

Издание: Шестое исправленное FD198D337AB125E-pdf

Copyright © Parroslab Group 2023
All Rights Reserved

С наиболее полным творчеством поэта и композитора Владимира Филиппова можно познакомиться на его персональном сайте - *Vladimir Philippov*

Оглавление

Зигзаги горной дороги	4
Долина Роз.....	4
Мы несёмся в стремнине реки,.....	5
Ищите меня.....	6
Польский Альбом.....	7
Орган в Оливке.....	7
Кто я?.....	8
Открылись двери, вышел я из дома,.....	9
Дорожная.....	9
Рассвет в горах.....	10
Румынская тетрадь	10
Молдавские зарисовки.....	11
На Книжной Ярмарке в Варшаве.....	11
Медео.....	12
Путь в небо	13
Старе Място	13
Домой!.....	14
Порою, мы напрасно осуждаем.....	14
Ночной Тарнув	15
Прощание с Тарнувом	15
Город на Висле	16
Крулевски Лазенки.....	16
Варшавская Мелодия	18
Время – лечит.....	18
Пройдись тихонько под дождём,	19
Играй, шарманщик, играй.....	19
Зовут ветра.....	20
Варшавские этюды	21
Черничная поляна	22
Крестный ход.....	22
Краковский трубач.....	23
Дождик моросит, смывая слёзы.....	23
Пусть жизнь течёт страница за страницей,.....	24
Одинокий странник.....	24

	3
Я останусь в лугах.....	25
Я вернулся с дороги	25
Я войду в тихий дом,.....	26
Только шаг, и разверзнется пропасть,	27
Как только смыкаются веки.....	27
Если снег занесёт перевал,.....	28
Спит душа	28
Снова жизнь меня отправила в дорогу.....	28
Промозглый ветер, и нелетний дождь,	29
Ганновер	29
Такая история.....	30
Сам не знаю, чего же хочу я.....	31
Странное лето.....	32
Шторм сорвал паруса,	32
Я не стану тебя уговаривать.....	33
Мне говорит душа - оставь сомненья,.....	33
Искать, и верить, и любить,	33
Я дойду.....	34
А знаешь, ночами меня разрывает тревога.....	35
Просыпаться в лугах мне нравится,.....	35
Сибирь. Тайга и тундра. Суровый край.	35
Руби канаты - ураган нас доконал,.....	36
За шиворот пытаюсь ухватить.....	36
Снова я шагаю в пустоту,	36
Бьёт волна растревоженно в борт	37
Я сорок лет бродил по свету,.....	37
Я поднимаю паруса.....	38
ДОПОЛНИТЕЛЬНО	39
Тучка	39
Свежий ветер	39
Пойте с нами	40
Дорога	40

Зигзаги горной дороги

Я выбираю путь,
Натянутый, как струна.
Мне скорость такая нужна,
Чтоб разрывало грудь
На части –
В этом счастье.

И мчусь я навстречу ветру,
Не чувствуя зыбкость седла.
Листаются километры,
И, что мне чужие советы
Тех, кто решиться не может
Оторвать тусклый взгляд от стола?

Знаю, что вскоре
На пути окажутся горы.
И дорога, петляя по склонам,
К облакам поползет неуклонно.
Ещё немного –
Тормоза превратятся в Бога.
Оставляют на трассе многих
Зигзаги горной дороги...

С дороги не свернуть –
Это сродни экстазу.
Чтоб так, не сбавляя газа,
Продолжить опасный путь
К вершине
Смятенной жизни.

Не нужно судить слишком строго
Тех, кто сорвётся со скал.
Такая уж эта дорога,
Не успеешь припомнить Бога,
Как, не справившись с управлением,
Ты уже со скалы упал...

1987

Долина Роз

Есть у меня стремленье
Оказаться в долине роз.
Только нужен ли я долине? –
Вот в чём вопрос.
Да, было время,

Когда розы цвели за окном.
 Но, к сожаленью,
 Постоянство не в моде давно.

Я в далёких краях затерялся,
 Прожигал свою жизнь, как в огне.
 От себя самого я скрывался
 В беспокойно-горячечном сне.
 Да, было время,
 И в долине желанным я был,
 Но, к сожаленью,
 Вкус измены внезапно вкусил,
 И измены, увы, не простил.

Осмелевшие вóроны смотрят
 Мне в провалы невидящих глаз.
 И шепчу я разорванным горлом:
 Мне б увидеть её ещё раз –
 Долину Роз, несбыточных грёз...

1988

* * *

Мы несёмся в стремнине реки,
 Раздирая на клочья слова.
 До тебя расстоянье руки,
 Но я чувствую, как ты права,
 Что мы, как никогда, далеки.

Отдаюсь на поруки судьбы,
 Я тисками стихии зажат.
 Знаю, буду тобою забыт,
 Но уже нет стремленья назад
 В этот благоустроенный быт.

Я обрушусь в ревущий поток,
 Обрывая сплетения жил.
 Моё тело, как павший листок,
 И, как будто бы вовсе не жил,
 А читался, и то между строк.

Ты не верь, что о камни разбит,
 Я нашёл где-то в роще уют.
 Ты не верь, что душа моя спит –
 Я уехал... Да-да, я уехал в Бейрут,
 Иль, куда там ещё? Да, хотя бы на Крит.

Я уехал, а ты про меня позабудь,
Без оглядки живи на былое.
Ведь бывшего назад не вернуть.
Будь здорова! Живи запоем!

1988

Ищите меня...

Я открываю дверь,
Я открываю дверь
На улицу.
И всё, что я хочу
Ты верь мне, или не верь,
А сбудется.
Я встречу свою судьбу,
И на закате дня
Среди загоревшихся звёзд
Ищите меня.

Войди в полуночный бар,
Войди в полуночный бар,
И закажи
Для всех друзей своих,
Для всех счастливых пар
Не джин, а жизнь.
Я верю в открытость глаз,
И в теплоту души,
Наполнится пусть для вас
Радостью жизнь.

Ты мне парой строк черкнись,
Ты мне парой строк черкнись,
Строфой стиха.
И я, разомкнув уста,
Обрушусь с неба вниз
Сквозь облака.
Отвергну усладу нег,
Бесплотную прихоть рук,
Зароюсь душою в снег,
А сердцем в стук.

Я оборву звонок,
Я оборву звонок
Пустых полей.
И ветер воет пусть,

А я отправлюсь в путь,
Чтоб стать добрей.
В ночной растворюсь тиши,
И в будничном гаме дня,
Сегодня, и в завтрашнем дне
Ищите меня...

1989

Польский Альбом...

Гуляем, братцы! Заграница!
Автобус шинами шуршит.
Тересполь, Седльце, и столица,
Вся группа наша веселится,
Поёт, пьёт, пляшет и шумит.

Нас ждёт старинный город Ольштын,
Напьёмся польского пивка.
Плесни-ка, кореш, чуть побольше,
Коль вырвались с тобой мы в Польшу
Из надоевшего «совка».

Обзаведёмся здесь друзьями,
Пусть «пшикают», мы их поймём.
За солидарность «пшикнем» сами,
Весь этикет пошлём мы к маме,
Для нас и здесь не чуждый дом.

И, вероятно, что не диво,
Мы долго будем вспоминать,
Как в баре, нагрузившись пивом,
Честили, в общем-то, красиво,
Их «матку боску», «нашу мать».

1989

Орган в Оливе

Оставив позади лихие километры,
Автобус встал в гостиничном дворе.
Нас встретил Гданьск
морским прохладным ветром,
Не редкостным в унылом октябре.

И разбрелась толпа по магазинам,
Душе покою мелочь не даёт.
А мы, чего уж там, рванули в Гдыню.

Быть может,
с ценами там больше повезёт?

Курортный Сопот не вселил покоя.
Пуст пляж, опустошён фонтан.
И утро, неприветливо-седое,
Разбудоражило небесный океан.

И вот она, костельная Олива,
Мы замолкаем, выпучив глаза...
В костёл проходим поступью учтивой,
Чтобы внимать отсюда небесам.

Стоит перед распятым на коленях
Людской толпы послушный океан.
И будто из глубин самой Вселенной
Величественно зазвучал Орган.

Летает над людьми «Токката» Баха,
И каждый звук мы ловим молчаливо.
Как будто, поднимает нас из праха
Тот Голос Господа, Орган в Оливе...

Октябрьский день погас,
дождём просеясь,
В гостиницу бредём неторопливо.
Благословен, кому пришла затея,
Послушать голос твой, Орган Оливы!

1989

Кто я?..

Кто Я?.. Вопрос не празден,
И ставлю его неспроста.
Я за «бугром», и всё меня здесь дразнит.
Товара много, а мошна пуста.
И вот, себя сломав, я становлюсь торговцем.
Пытаюсь сплавить свой нехитрый скарб.
Толкутся рядом земляки, как овцы,
Вдыхая свой вчерашний перегар.
Эй, брат! Возьми! Я отдаю задаром.
Ах, чтоб тебя, да, ладно, забирай.
А, может, ты возьмёшь мою гитару?
Прощай, подружка, и... не укоряй.
Я будто бы продал с гитарой душу,
На тряпки свою песню променял.
Так, кто же я?..

И в чьих руках игрушкой,
 Не ведая того, я, друг мой, стал?..
 Вернусь домой я, словно пёс побитый.
 Весь в заграничном фирменном тряпье.
 Но снова к **своему** разбитому корыту,
 К своей родной захламленной тропе...

1989

* * *

Открылись двери, вышел я из дома,
 Осматриваюсь – всё мне незнакомо.
 Другие люди, надписи чужие,
 Но... Так, как здесь, мы никогда не жили.
 Я атмосферу чувствую добра,
 Вдыхаю чистоту, опрятность и культуру.
 Эх, почему у нас не так, и до утра
 Вином тоску я заглушаю сдуру.
 Пей, Русь кабацкая! Святая моя Русь!
 Тебе, бедняжке, и такой я верен.
 А для веселья снова я напьюсь,
 Как только за собой закрою двери...

1989

Дорожная

Я сам себе такую жизнь создал,
 То ль странника, то ли изгоя.
 Я многие дороги повидал,
 Ещё одну сегодня для себя открою.
 Автобус шинами шуршит по магистрали,
 Доверившись водительской руке,
 Привычным взглядом озираю дали,
 Леса и горы, что синеют вдалеке.
 И, может быть, в пути меня задержит
 Своим журчаньем робкий ручеек.
 А, может, вцепится в мою одежду
 Покрытый сизой дымкою лесок.
 Росой утренней лицо своё умою,
 Гимн солнцу вместе с птахой пропою.
 И снова побреду навстречу зною,
 Искать дорогу новую свою.

1990

Рассвет в горах

Рассвет волнующий встречаю на Дуреу,
Прозрачный воздух голову пьянит.
И серебристо-голубое небо
Палитрой красок льётся на гранит.

Льёт солнце золото на зелень склонов,
Пытаясь пробудить их ото сна.
И великаны-горы дышат томно,
Насытившись озоном до пьяна.

Седые космы рваного тумана
Оцепенело смотрят на меня.
И над отрогами Карпат звенит стеклянно
Токката народившегося дня.

1990

Румынская тетрадь

Несёт меня судьба в иные страны
Не для того, чтоб набивать карманы.
А для того, чтобы о людях больше знать,
И заносить те знания в тетрадь.

Цыганы, молдованы и румыны
Расправили натруженные спины.
Свободой своей опьянены,
Мечтают о величии страны.

Они искоренят тот раболепный страх,
Который до сих пор сквозит в глазах.
Построят фабрики, и новые заводы,
Хотя, до этого пройдут, конечно, годы.

Вдыхал я пыль изъезженных дорог,
В тетрадь свою вписав десятки строк.
И чёрствый хлеб с хозяевами ел,
С цыганами ночами песни пел...

Румыния – далёкая страна,
Но стала ближе сердцу моему она.
Вернусь когда-нибудь туда опять,
Чтобы продолжить старую тетрадь.

1990

Молдавские зарисовки

Раздавлен виноград, вино в закваске,
 А на столе букет трёхлетнего вина,
 За окнами рассвет, как будто в сказке,
 И я стою недвижно у окна.
 В такую ночь грешно измять подушку,
 А, ну-ка, брат, по капельке махнём!
 Давай-ка, ближе придвигай ты кружку.
 Сначала выпьем, а потом споём.

А утром снова тряская дорога,
 И зелень сизая молдавских кодр,
 Беззубая старушка у порога,
 С которой мы заводим разговор.
 Не буду утруждать её вопросом,
 Кто в местных спорах прав, кто виноват.
 Спрошу, как травы нынешних покосов,
 Как уродился нынче виноград.

Не стану спрашивать, в какого верит Бога.
 Ведь, Бог един, не ей ли знать того.
 Мы просто посидим с ней у порога,
 И причастимся, только и всего.
 А на прощанье осенит распятьем,
 И дела нет, что я ей не родня.
 Людей роднят не вывески, не платья,
 А всполохи душевного огня.

1990

На Книжной Ярмарке в Варшаве...

Не в магазины мы направим стопы,
 Не на базар пойдём топтать кроссовки,
 Не для того мы вырвались в Европу,
 Чтобы в Союз везти одни обновки.

Сюда приехали не за подарками,
 Рекламы побоку, нас не исправить.
 Найдём с приятелем афишу яркую
 Международной Книжной Ярмарки в Варшаве...

Здесь сотни фирм представили новинки,
 Стоят они все в ярких одеяниях.
 В них красочные спрятаны картинки,
 А главное – немислимые знания!

Бредём, вдыхая аромат полиграфичный,
 С восторгом на обложки книг взираем,
 Научных, фантастических, комичных,
 Весёлых, грустных, чуть порнографичных...
 А, может, и не чуть, того не знаю.

Обложки брызжут непривычным гляncем,
 К себе притягивая взгляд ошеломлённый.
 Всё это предлагают иностранцы.
 Пока от них, как прежде, отстаём мы.

Полдня бродили, будто по музею,
 И с сотней языков чужих общались.
 Про стенд советский вспоминать не смею.
 По-русски, друг мой, наши облажались.

Съязвил не для сарказма, от обиды
 За свой народ, и за свою державу.
 За то, что оказались мы побиты
 Международной Книжной Ярмаркой в Варшаве...

1990

Медео

Асфальт промокший чавкает
 Под нашими ногами.
 Снег по соседству с травкою,
 И солнце над горами.

Всем дарит радость скорости
 Сверхбыстрый лёд Медео.
 Но никакой нет корысти
 Нам здесь рекорды делать.

Нас тянет вверх тропинка
 На самый гребень дамбы.
 И тащимся в ботинках,
 Ах, кабы крылья нам бы.

Простор небесный рядом,
 Где облаков отары.
 Мы им ужасно рады
 Вдвоём с моей гитарой.

И песнею раздольной
 Взлетит душа над миром.
 Друг к другу льнём невольно
 От звуков звонкой лиры.

1991

Путь в небо

Путь в небо! – В мир далёких звёзд,
В царство снега, и замёрзших слёз.
В зов сердца, в песню наразрыв.
В бессмертье мчимся на отрыв.

В зной, в пепел, в искренности синь,
В великолепье трепетных вершин.
Пусть в клочья пульс свой разорвём,
Но... ночью снова оживём...

И в путь в небо! – В омут дивных глаз,
В быль, в небыль, и в былую страсть,
Над облаками, чтоб в точки – города,
Мы камнем... канем... в никуда...

1991

Старе Место

Мне нравятся Варшавские проспекты,
Люблю бродить вдоль многоцветия витрин,
И в отражениях улавливать машин
Немыслимые чудо-силуэты.

Но я брожу не просто наугад,
Внимательно взирая на приметы,
Иду вдоль череды из зданий и оград,
Туда, где живописцы и поэты.

Ещё каких-то двадцать пять шагов,
И я переносюсь мгновенно
Из гвалта улиц современных
В пересечение нескольких эпох.

Брусчатка мостовой звенит, как кастаньеты,
И кладка стен ей вторит «по низам».
Здесь коммерсанты, барды и поэты,
Созвучные старинным «голосам».

То, Старе Место - Старый Град,
Прекрасных зданий сад окаменевший,
Примеривший старинные одежды,
И возвратившийся на много лет назад.

Кому-то место для общенья,
Кому – для выставки картин,
Кому – для музыки и пенья,

А я люблю здесь в дождь осенний
Бродить в безлюдии один.

1991

Домой!

Устали мы от заграничной благодати,
Нахлынувшей нежданною волной.
И вот настало время собираться.
Сегодня возвращаться нам домой.

Домой! И мы пакуем чемоданы.
Домой! На запах елей и берёз!
Домой! Нас не влекут чужие страны.
На них не променяем свой «навоз».

Неведомых попутчиц расцелуем.
Свои, известно, девушки милей.
Споём мы песню русскую, родную,
Чтоб стало на душе ещё теплей.

Да, Мать-Россия ждёт меня, бродягу.
Домой! Где роскошь не затмит глаза.
Но волжский плёс – какое это благо!
Ни словом, ни пером не описать.

1991

* * *

Порою, мы напрасно осуждаем
Всех тех, кого не понимаем,
Тех, кто иными мерками живёт,
Иначе дышит, и не так поёт.

Мы звание им дарим шарлатанов,
Их почитаем за изгоев, странных,
За равных их себе не признаём.
При случае, браним их, гоним, бьём...

Но кто из нас был в меру терпелив,
Чтоб выслушать кого-нибудь из них?
Не мудростью, гордыней облачён,
Тот, кто по жизни слынет палачом.

Поверь мне, истина совсем не там,
Где гонор ярко блещет по глазам.
Прислушайся к истоптанным росткам...
Быть может, истина укрыта там?

1991

Ночной Тарнув

По ночным переулкам с друзьями бредём,
Позабыв про дневные заботы,
Спорим, шутим, и шёпотом песни поём,
И листаем журнал поворотов.

Вдруг в ноктюрне задумчивых улочек-нот
Нам послышится, чу!.. чья-то сказка.
Вновь листаем мы очередной поворот,
Чтоб со времени сдёрнуть повязку.

Гулко цокают наши шаги в тишине
По седой от столетий брусчатке.
Очутились мы в прошлом, как будто во сне,
Сбив уклад векового порядка.

Ожидаем, что где-то нас ждёт на пути
Встреча с мрачным предвестником смерти.
Но, притихшие, всё ж продолжаем идти,
Новый лист поворота заметив.

Нам не встретился рыцарь на чёрном коне,
Впрочем, мы бы не удивились.
Долистаем мы тот поворот, наконец,
И, как будто бы всё нам приснилось.

Вновь привычные нам тротуары, дома,
Мостовая асфальтом покрыта.
Можно смело листать поворотов тома,
Электрическим светом залитых...

1992

Прощание с Тарнувом

Встряхнулся вокзал за вагонным окном,
И вмиг опустело на сердце.
Вернуться обратно уже не дано
В объятия жаркого «червца».*

Прощай, милый город, рассеивай грусть
Улыбкой своей конопатой.
Прощай, я сюда никогда не вернусь,
Но в этом не ты виноватый.

Забывать не удастся счастливый полёт
Тобою расцвеченных дней,
Заветных желаний, подстреленных влёт,

И пепел погасших огней.

Мой поезд захлопнул бурливый альбом,
Нежданно сверкнувший в судьбе.
Возможно, что, всё же, когда-то потом
Вернусь ненадолго к тебе.

Чтобы снова прощаться, и снова прощать,
Чтобы ждать до рассвета кого-то,
Чтобы снова тома поворотов листать,
И испытывать чувство полёта.

* - «червец»(польск) - июнь
1992

Город на Висле

Немало городов я повидал на свете,
Но есть один, который близок мне
Развязками дорог, гранитом парапетов,
Застывших в полуночной тишине.

Он близок мне хитросплетеньем улиц,
И шёпотом задумчивых аллей,
Мостами, что над Вислою прогнулись,
Роскошными дворцами королей.

Я, воздухом покоя упиваясь,
По тихим улочкам расслабленно брожу.
И слиться с этим городом пытаюсь,
Где умиротворенье нахожу.

Есть много городов, но этот ближе,
Распятьями пронзивший синеву.
И пусть Варшаву не сравнить с Парижем,
Её я близкой сердцу назову.

1992

Крулевски Лазенки

У каждого города есть, несомненно, душа.
В Варшаве её вы найдёте в Крулевских Лазенках.
Для этого нужно пройтись вдоль аллей не спеша,
Вдыхая в пути аромат бытия помалёнку.

Здесь роскошь былого пронизана зеленью вечности,
Прозрачные воды несут красоты отражение,
Стираются в камне плоды временной быстротечности,
Окутав покоем приметы былого движения.

В могуществе замков невольно сквозит благородство.
В их кладке заложены тайны минувших столетий.
И смотрят на нас те строения будто бы с превосходством,
Как будто невольно мы все перед ними в ответе.

Расправлены крылья у стройных колонн Бельведера,
Который взирает с холма на окрестности парка.
Любуйся, свидетель немой президентской карьеры,
С трудом разомкнув от дремоты дворцовые арки.

Отбрось величавость, с доверьем к платану прильни,
Расскажет седой великан о незримой работе расстений.
С утра и до ночи пытаются сгладить они
Колючесть людских настроений.

И шепчут поляны столпившихся розовых роз
О том, что приснилось им лазенковскою ночью.
Вбирают потоки бесчисленных листовенных слёз
Каналы безмолвья, как будто бы между прочим.

Здесь многое внове: гармония певчих жильцов,
Доверчивых белок плетутся клубки под ногами,
Гортанные резкие вопли павлиньих самцов,
И шелест таинственных мишек по прозвищу «гамми».

Здесь встретишь нежданно беззубую Бабу-Ягу,
Почувствуешь Лешего-странника космы седые,
А, может, увидишь Русалку на том берегу,
Где грустные ивы в поклоне учтивом застыли.

Бредёт по аллеям бесчисленный людодорот.
На всех тишины и покоя здесь, думаю, хватит.
Умиротворенность плывёт от ворот до ворот,
И от ограды к противоположной ограде.

В тихих дебрях Лазенок появимся также и мы:
То есть, вместе со мною мои ребятишки.
Светом детского счастья глаза их полны,
Бьют эмоции, может быть даже и слишком.

В гулких арках укрытых тенистых аллей
Будут белок гонять дорогие пострелы,
И для деток моих озорной соловей
Серенаду споет от души, очумело.

На заросшем густою травой пруду
Нас вечерняя мгла ненароком застанет.
До свидания день, завтра снова приду
Я к тебе, чудный парк, на свиданье.

А, пока, тишиною укрывшись ночной,
 Опустев, парк вздыхает устало,
 И во сне пробирается вместе луной
 Освещая покой вполнакала.

Вместе с ним буду спать, и листать я во сне
 Непрочитанной сказки страницы.
 Снится чудо ожившее детям и мне,
 Этот парк в центре польской столицы.

У каждого города есть, несомненно, душа.
 В Варшаве её вы найдёте в Крулевских Лазенках.
 Для этого нужно пройтись вдоль аллей не спеша,
 Вдыхая в пути аромат бытия помалёньку.

1992

Варшавская Мелодия

Раскрывается улиц бурлящая сеть,
 Где людской разливается гомон.
 Мне б мелодию с городом вместе пропеть,
 Только мой патефон нынче сломан.

Я захвачен мелодией этой врасплох,
 Словно пленник дождливой осени.
 От молчания стен оголтелых оглох,
 И от гулкой небесной просини.

И мелодия остекленевшего дня
 Ищет выхода в дрязгах трамвайных.
 И уносит в глухие проулки меня
 В тщетных поисках тихих окраин.

Вся Варшава сегодня сонатой звучит
 Из-под каменных пальцев Шопена.
 Город радости, кто нас с тобой разлучит?
 Я к тебе возвращусь непременно.

Через несколько месяцев снова вернусь,
 Чтоб твоей насладиться мелодией.
 Ты прости, дорогая мне Русь,
 Что тебя покидаю я, вроде бы...

1992

Время – лечит

Время – лечит. Может быть, ты права.
 Мне в том не советчик моя голова.

Говоришь, что счастье там, где отчий кров.
Но судьбу на части я разбить готов.

Чтоб уйти в дорогу, с ночи до утра,
И найти немного, хоть чуть-чуть добра.
В целом, понимаю... Но скажи ты мне,
Корысть в том какая, жить, словно во сне?

Крыльями – в небо с кручи скользя,
И... словно в небыль, в облаков белизну.
Дождём просеюсь в поле, увы, не родном,
Где... не сумею прорасти ростком.

1992

* * *

Пройдись тихонько под дождём,
Расплескивая лужи.
Порой, когда уже не ждём,
Мы получаем, что заслужим,
Но не от тех, с кем крепко дружим,
А лишь от тех, с кем водку пьём.

Спрячь в воротник своё лицо,
Нацелив зонтик в тучи.
Остерегайся мудрецов,
Которые всех учат,
Но не тому, чтоб быть получше,
А, чтоб скорей стать подлецом.

Оставь свой след там, где дорога
Упрётся глянцем в чей-то сад.
Сумей иметь не слишком много,
Так, чтоб не городить оград.
Богаче будешь ты в стократ,
Раздав всё, что пришло от Бога.

1992

Играй, шарманщик, играй...

Мчат кони вдаль по полям,
Копыта камни рассекают.
Мчат кони вдаль, и будто знают,
Что вольный край их встретит там.
А мне непросто поспеть
За конским пламенным галопом.

И тут, и там я всё прохлопал,
Осталось только песни петь.

Играй, шарманщик, играй...
Кому-то надо же оплакивать потерю.
И пусть я в это, может быть, ещё не верю,
Но стал чужим когда-то бывший близким край.
Играй, шарманщик, играй...

Я много в жизни терял,
Но никогда не продавался.
Я падал в грязь, и поднимался,
И снова в дальний путь шагал.
И ноги в кровь я истоптал,
Но понял как-то в одночасье,
Что я ищу чужого счастья,
Свое же дома потерял.

Играй, шарманщик, играй...
Кому-то надо же оплакивать потерю.
И пусть я в это, может быть, ещё не верю,
Но стал чужим когда-то бывший близким край.
Играй, шарманщик, играй...

Стою с душою пустой,
Судьбой-злодейкой околпачен.
Тащиться буду жалкой клячей
Я вслед за призрачной мечтой.
Я не один такой, я знаю,
Но, что с того, коль путь далёк.
И долго буду одинок,
Брести, сознание теряя...

Постой, шарманщик, постой...
Не уходи, прошу тебя, послушай.
Вмиг расплескаю я израненную душу,
И пожелтевшей расстелюсь листвой.
Постой, шарманщик, постой...

1992

Зовут ветра

Где-то усталый дождь в окна с утра стучит.
Где-то с надеждой смотрит в небо цветастый зонтик.
Я согреваю мысль светом ночной свечи,
Чтобы успеть открыть скрытые горизонты.

Только зовут ветра
 Мчатся за ними следом,
 Выйти в дорогу с утра,
 Не дожидаясь рассвета.

Солнце, продрав глаза, тучами лик напудрит.
 Не обещает день ясности над головой.
 Где-то, томясь по мне, воет в засаде буря,
 И предстоит мне вскоре снова играть с судьбой.

Только зовут ветра
 Мчатся за ними следом,
 Выйти в дорогу с утра,
 Не дожидаясь рассвета.

Петляет за парой ног сбитой росы цепочка.
 Скептикам вопреки, верю в свою звезду.
 Мне предстоит, может быть, путь свой пройти в одиночку,
 Или застыть навечно, ткнувшись лицом в борозду.

Только зовут ветра
 Мчатся за ними следом,
 Выйти в дорогу с утра,
 Не дожидаясь рассвета.

Тихим осенним днём, кутаясь в плащ холодный,
 Буду мечтать о погасшем свете ночной свечи.
 Если найдёшь меня, с собою возьму охотно.
 Впрочем, в ненастной слякоти непросто меня найти...

1992

Варшавские этюды

Город весенний раскроет объятия
 Широких проспектов, прозрачных аллей.
 «Дзень добры»^{*1},
 мой старый и верный приятель,
 Я вновь на приветливой польской земле.

Твоими витринами снова люблюсь,
 Старинные стены глазами черчу,
 Быть может, на Вислу сегодня пойду я,
 Иль, снова в Лазенках^{*2}
 весь день проторчу.

Мне всё это близко до всхлипа, до боли,
 Надеюсь, что здесь не в последний я раз,
 Пивка пропустить

в местном пабе позволю,
 Приду на Старувку*3, послушаю джаз.
 Вечерний покой потревожу шагами,
 Затрону дыханием трепет зари.
 И встречу рассвет
 под какой-нибудь брамой*4,
 Восторгом Варшаву опять одарив.

*1 - Дзень Добры (польск.) - приветствие.

*2 - Крулевски Лазенки - парк в Варшаве.

*3 - Старувка - Старый Город в Варшаве.

*4 - Брама (польск.) - ворота.

1993

Черничная поляна

Словно песня неспетая в облаке,
 Прячет волосы солнечный шар,
 И покрыты деревья золотом,
 Польшая, как будто пожар.

Пронесётся певец крылатый,
 Свежей влагой лицо обдав,
 И торопит меня куда-то
 Разноцветие сочных трав.

Не спеша, выхожу из тени
 Поседевших от дум дубов,
 И в черничное царство мгновенно
 Попадаю без лишних слов.

И, склоняясь над бархатом зелени,
 Фиолетовость ртом ловлю.
 Я черничной поляны пленник,
 И, припав невзначай на колени,
 Жажду ягодную утолю...

1993

Крестный ход

Мы, забывая о невзгодах, торопим ход часов,
 Вершим свои дела, творя грехи публично.
 И всё же иногда полезно путь Христов
 Пройти, хотя бы раз, пусть, даже, символично.

Есть в Ченстохове Ясногурский монастырь,
 Где Крестный ход увековечен в камне.

Здесь древняя легенда обретает быль,
И мы идём дорогой покаянья.

Притихшие, под тяжестью пудового креста,
Мы на Голгофу медленно шагаем.
Нас на кресте распнут взамен Христа,
Но мы заранее мучителям прощаем.

Пусть по масштабу кару не сравнить,
Но всё ж, порою, нужно быть распятым,
Чтоб грешный мир немного изменить,
Прими Христовы муки иногда ты.

1993

Краковский трубач

Несётся над Краковом голос трубы
И, вмиг, захлебнувшись, стихает.
Фрагменты истории польской судьбы,
Пройдя сквозь века, оживают.

Стрелюю татарскою сбит был трубач,
Но, впрочем, изменчиво время.
Сегодня татарин не будет стрелять,
Стрелюю пронзая забвенью.

В сюжете нет символа грозных идей,
Иль, зова к борьбе двух народов.
В нём судьбы живущих сегодня людей,
Вдыхающих воздух свободы.

1993

* * *

Дождик моросит, смывая слёзы
С лика обездоленной судьбы.
Снятся мне российские берёзы,
Клёны снятся, липы и дубы.

Снятся мне российские просторы,
Реки снятся мне и ручейки.
Снятся, также мне, долины, горы,
Бабы снятся мне и мужики.

Снятся мне заветные полянки,
Снятся мне пельмени и блины,
Вечер на забытом полустанке,
И туман рассветной тишины...

Сны о Родине во мне неумолимы,
 Так и сыплют, как российский снег.
 Я ещё вернусь в мой край любимый,
 Верьте, я уехал не навек.

1994

* * *

Пусть жизнь течёт страница за страницей,
 За поворотом новый поворот.
 Я не прошу судьбу остепениться,
 И не бросать меня в круговорот,
 В круговорот проблем неразрешимых,
 Иль разрешаемых с большим трудом,
 Но вызов брошен, и туда спешим мы,
 Порой, надолго покидая дом.
 Я не прошу судьбу остепениться,
 Оставив беспредельное другим.
 Лишь бы в стране берёзового ситца
 Я также, как и прежде, был любим.

1994

Одинокий странник

Проснись, родная! Слышишь? Это я!
 К тебе вернулся, чтоб опять проститься.
 Влекут меня дороги вдаль, и птицы
 Им помогают, в небесах звеня.
 И потому мне дома не сидится,
 И не найдёте дома вы меня.
 Возьму гитару, и, поймав аккорд,
 Пойду искать в чужие страны счастья.
 Есть у меня ещё судьба в запасе,
 Надеюсь, не один подарит год
 Пред тем, как смерть в глаза мне скажет: «Здрате».
 И я уйду в последний свой поход.
 А, впрочем, пусть идёт всё, как идёт,
 Зачем ломать в задумчивости копья?
 Сегодня я болтаюсь по Европе,
 А что ещё мне светит через год?
 Быть может, знак грядущей катастрофы...
 А, может быть, грядёт и резкий взлёт.
 Я одинокий странник по судьбе,

Мой путь лежит в объятиях фортуны.
 И я бреду, как будто полоумный,
 Всё лучшее доверивши тебе,
 Себе оставив след дороги лунной,
 И зов души сгореть дотла в борьбе.

1995

Я останусь в лугах...

Этот ветер хмельной закружит меня в прах,
 Не ищи, не зови, не гоняйся за мной.
 Если сможешь, мой ангел, живи в кандалах,
 Я ж, пожалуй, навеки останусь в лугах,
 Чтобы в запах душистый нырнуть с головой.
 Чтобы в шорох ночной незаметно упасть,
 Просочиться к корням, и пробиться травой.
 Если можешь, мой ангел, излить свою страсть,
 Ты бессмысленных слов понапрасну не трать.
 Я останусь в лугах, чтоб звенеть под косой.
 Я останусь в лугах, чтоб зарю не проспать,
 Задыхаться и плакать, витать в облаках.
 Если можешь, мой ангел, со мной не мечтать,
 Не пытайся, хотя бы, домой меня звать.
 Я, в тиши растворившись, останусь в лугах...

1995

Я вернулся с дороги

Я вернулся с дороги,
 Истоптав сапоги.
 И стою на пороге
 У дверей дорогих.
 Сам не свой, словно осень
 С облетевшей листвой.
 След мой пеплом заносит,
 Зарастает травой.
 Я вернулся с дороги,
 Не брани, не вини.
 Не суди слишком строго,
 Не гони.
 Дай напиток бродяге
 Родниковой воды.
 И не стой, как на плахе,

Принимая цветы.

Я вернулся с дороги,
Без расспросов прими.
Не держи у порога,
Крепче к сердцу прижми.
Разольюсь половодьем,
Задувая свечу.
И, отбросив поводья,
Над обрывом помчусь.

Я вернулся с дороги,
Чтобы завтра уйти.
Вновь пожертвую многим,
Оказавшись в пути.
Не тебя покидаю,
Я бегу от себя.
До свиданья, родная,
Единственная.

1995

* * *

Я войду в тихий дом,
Скрипнут двери, приветствуя странника.
Я войду, и в былом
Окунусь, забыв на мгновенье свой грех.
Это песни мои, это детство, тут - след от паяльника...
Ну, а здесь собирал я друзей для совместных потех...
Кошелев мы не мерили, шмотками не задавались,
И друг другу не тискали выпревшим слогом в глаза.
Просто, были мы вместе, и изредка вдрызг напивались,
Ну, а чаще, бывало – летали душой в небеса.

Нас судьба разбросала: кого-то – в сибирские дали,
Кто-то носит на теле скупой арестантский наряд,
Кто-то жизнь прожигает с потрёпаной пьянствуя кралей,
Наркота для кого-то дорогу бронирует в ад.

Я войду в тихий дом,
Скрипнут двери, приветствуя странника.
Я войду, и в былом
Окунусь, забыв на мгновенье свой грех,
Что на рясу сменил в одночасье я робу механика.
И ушёл в одиночество, в прошлом оставив вас всех.

1995

* * *

Только шаг, и разверзнется пропасть,
Только вдох, и обрушится свод.
Не спеши от отчаянья топать,
Превратим мы паденье в полёт.

Этот ветренный день не последний,
Завернись с подбородком в пальто.
Предстоит нам идти по ступеням
Прямо в царство безгрешных цветов.

Предстоит нам познать утешенье,
Засыпая в небесных лугах,
С головой окунаться в цветенье,
Расстелив под собой облака.

Только шаг, и, срываемый ветром,
Лист падёт на утоптаный дёрн.
Только вдох, и, нарушив запреты,
Мы на Землю опять упадём...

1996

* * *

Как только смыкаются веки
В заботах прошедшего дня,
Мне снятся забытые реки,
Которые манят меня.
Мне снятся просторы степные,
И шёпот затерянных рощ,
Мне снятся края, где доньше
Нет лживых, завистливых рож.
Из снов я несу вдохновенье,
Любовью питаюсь из снов,
Но знаю, что в час пробужденья,
Вернусь в этот мир лживых слов.
Вернусь в этот мир, где обманут
С рождения каждый из нас,
Вернусь там, где кажется странным
Лишь тот, кто не пробует красть.
Быть белой вороной, поверьте,
Не каждый сумеет из нас.
И сон, словно листик в конверте,
Ложится в карман про запас...

1997

* * *

Если снег занесёт перевал,
 Упаду, ослабев, на колени я,
 Опоздавший на свой день рождения,
 Там, где горы в разливах огня.
 Но прекрасен тот край, тем не менее,
 Край, который чарует меня.
 С неуёмным восторгом бреду,
 Покоряя безмерность простора.
 Ждут отчаянных синие горы,
 Может быть со скалы упаду,
 Только нет в том, поверьте, позора,
 Я на склоне покоя обрету.
 Этот день не сулит мне конца,
 Пусть закрыта дорога в грядущее,
 В ожиданье погоды помучаюсь,
 Но не буду играть хитреца.
 Соревнуясь со снежными кручами,
 Словно зверь не пойду на ловца.
 Пусть стаканы пустынно звенят.
 Я на трапезный пир опоздал,
 Укатил дилижанс без меня,
 И спешить ни к чему в свете дня
 На покинутый богом вокзал.
 Мне спешить ни к чему –
 Я вморожен в гранит.
 Но следами моими другой поспешит.
 Только снег завалил перевал...

1999

Спит душа

Снова жизнь меня отправила в дорогу.
 Не по диким тропам, не в пески
 В городских кварталах разминаю ноги.
 Чтоб сон свой разогнать, я тру виски.
 Мне б, на Кэмел-трофи разбивать машину,
 Скалы в связке с другом покорять бы мне
 Иль шестом толкаясь, плот рулить в стремнину
 Иль по полю мчаться на гнедом коне...
 Только жизнь порою запряжёт уздою
 И кнутом загонит в непролазный быт
 Встречи, телефоны, автобусы, вагоны
 А душа при этом непробудно спит

Что там, скалы, реки! Подождут пустыни.
 Насыщаем тело водкой и жратвой,
 И в дебелим трансе спим перед камином
 Сами стать готовые каминною золой.

2000

* * *

Промозглый ветер, и нелетний дождь,
 Автобус шинами шуршит по автобану.
 И вроде смотришь, но не узнаёшь
 Холмов своей отчизны покаянной.
 И, как узнать, когда пейзаж чужой,
 К которому не прикипел своей душой?
 Немеччина – чудесная страна.
 Но только вот, увы, не для меня она.
 Здесь и порядок, здесь и чистота,
 И уровень житъя на пять с полтиной.
 Вот только душу распинают на крестах,
 Перед тельцом сгибая свою спину.
 И пусть они создали благодать,
 И пусть стремится к ним толпа народу,
 Но Русь умом им, всё же не понять,
 И нашу русскую не воссоздать природу.

2000

Ганновер

Утро. Ганновер. Вокзал.
 Небо хмурится, непогодит.
 На перроне окурков завал,
 И обёртки гурьбой хороводят.
 Озираюсь. Суета сует.
 Провожающие, отъезжающие.
 Кто-то шарит в карманах билет
 Кто-то смотрит так, понимающе.
 Кто-то топчется, не спеша,
 Кто-то мчится вдогонку, охая,
 Кто-то рожицы корчит, смеша
 Свою спутницу кареокую.
 Рядом «Кэмэл» сосёт старик,
 Соревнуйся с трубой выхлопной.
 Чей-то сонный размазанный лик
 Всё маячит передо мною.

Серость. Смог. Суета сует
Спит Ганновер, вокзал, предместья.
В Билефельд я беру билет.
Там проснётся моя песня.

2000

Такая история

Откуда сочувствие?
Друг, ведь ты знаешь не более,
Чем мог рассказать
Этот странный пропойца-старик.
Такая вот вышла,
Ужасная, друг мой, история,
Которая в сердце моём
По ночам возникает, как вскрик.

В горах полумрак
Поглощает быстрее, чем лавина,
А нам всем по двадцать,
Наивным и молодым.
С задором несли мы
Палатки от самой долины,
И верили свято,
Что пик тот мы все покорим.

Суровые горы
Нас встретили без оптимизма,
Но верили в свой мы
Незыблемый, гордый девиз:
На пик приведёт нас
Любовница наша Харизма,
На крыльях её мы, конечно же,
Спустимся вниз.

И так, шаг за шагом,
В кровь пальцы свои раздирая,
Мы лезли на пик,
Свои жизни поставив на кон.
Не выдержал крюк,
И повис между адом и раем
Мой друг, уцепившись
За серый, безжизненный склон.

Тот день стал для нас,
Словно горькая чара похмелья.
Нас с крюков срывая,

Сдираю в ущелье с горы.
С победой домой
Мы вернуться с друзьями хотели.
Но слишком слабы
Оказались для этой игры.

Сломаться не диво,
Не каждый из нас из гранита.
Старик тот, пропойца,
Спивается не от балды.
Вершина суровая
Потом и кровью полита,
А мы не достигли
Заветной своей высоты.

Нам скалы не мстят,
Просто, видимо, мы не готовы,
Порой штурмовать
Непокорные стены вершин.
Но, челюсти стиснув,
За штурм принимаемся снова,
Сомненья оставив,
Цепляем за лань карабин.

Допустим, тебе
Непонятны мои откровенья.
Да, что там, кляни
Молодую, задорную кровь.
Но только не встану
Пред горькой судьбой на колени я,
Достаточно много
Она снимала голов.

2000

* * *

Сам не знаю, чего же хочу я,
Всё копаюсь в себе безуспешно.
Дайте крылья мне, и улечу я,
То ли в песню, то ль в неба безбрежье.

Я листочком бьюсь в чьё-то окошко,
И сочусь ручейком я сквозь гору,
Плачу я, и смеюсь понарошку,
И себя ограждаю забором.

Много тем незаконченных тлеет,

Много душ пожирает сомненье,
 Много песен не спетых хиреет,
 И потеряна цель поколенья.

В нетерпенье себя колочу я,
 И хочу убежать в непогоду,
 Сам себя безуспешно врачую,
 И ищу из бездумья я брода.

2000

Странное лето

Разгоню облака, с ветром буду на «ты»,
 Приглашу я на вальс полевые цветы.
 Я уйду в никуда, чтобы стать сразу всем,
 В позолоте заката найду много тем.
 Я крылами взмахну, вырываясь из стен,
 И пускай над полями забьётся рефрен.
 Ритм доверчивых песен, стихов и поэм,
 Обделённых любовью поднимут с колен.
 И незримой букашкой открою зарю,
 Пусть послушает лес серенаду мою.
 Ненароком к тростинке я сердцем прильну,
 И берёзку в объятьях своих изомну.
 Я такой же, как все, только верю в мечту,
 И уносится с нею душа в высоту.
 Дух мой вольный от зла, над Землёю парит,
 Оболочка в огне предрассудков горит.
 Это лето так странно глядит с высоты,
 Мы над призрачным миром парим: я и ты !..

2000

* * *

Шторм сорвал паруса,
 И надрывно визжит мне в ухо:
 - Не спасут чудеса!
 Не уйти от меня на сухо!
 Не кричи, не рыдай, не пронять,
 Через миг в небеса отправлю.
 Но... Откуда ж ему знать,
 Что я крылья свои расправлю.
 Нет - не ангел я, и не бог,
 Но не дамся свалить с ног.

2005

* * *

Я не стану тебя уговаривать
Окунуться со мною в зарево.
И не стану тебе внушать,
Чтоб нырять с головою в страсть.
Под покровом седой ночи
Я не стану тебе пророчить,
И не буду багрянцем зари
Пред ногами твоими сорить.
Я тебе предложу виражи,
По газам, так, чтоб пела жизнь.
И пусть путь тот не прям, и не прост,
Но не пустит он нас под откос.
Мы с тобою к рассвету придём
В Богом нам предназначенный дом.
Будет дом этот там, где захочешь,
Не в Майами, а в солнечном Сочи.

2006

* * *

Мне говорит душа – оставь сомненья,
Уйди в рассвет, и растворишься в цветенье.
Там не найдёшь товарищей своих,
Но будешь помнить ты всегда о них.
Уйди в рассвет, и дай врагам тепло,
Чтобы их души не хранили зло.
Дай воинам по жизни вечный мир,
И успокой отчаянных задир.
Потерянным дай веру в торжество,
Не обдели любовью никого.
Отдай себя деревьям и цветам,
Уйди в рассвет, чтобы остаться там.

2006

* * *

Искать, и верить, и любить,
Потом найти, и потерять,
И постараться всё забыть,
Перечеркнуть, перекромсать.
И год за годом напролёт
Себя безудержно корить,

И снова на второй заход
Искать, и верить, и любить...

А если паруса сорвёт?
А если шторм? А если течь?
А если в борт ударит лёд?
Иль голову вдруг снимут с плеч?
Но море мне не даст соврать,
Коли последний час придёт –
С улыбкой будет умирать
Лишь тот, кто ищет и найдёт.

2007

Я дойду

Взмах меча. Свист стрелы. Боль.
Устоял. Кровь течёт струёй.
Конь мой пал. Ну а мне позволь
Взять твой посох, отец святой.
Пусть врагов на пути тьма,
Я смогу. Я дойду. Доползу.
Пусть на бой выйдет Смерть сама,
Я её разорву. Загрызу.
Снова шаг - и копьё в плечо.
Застилает глаза мгла.
Кровь стекает уже ручьём.
Но я буду стоять, как скала.
Воин Тьмы, выходи на бой.
Что ж ты бьёшься из-за угла?
Я не пал, я ещё живой,
Хоть, и в сердце моём стрела.
Меч в руках моих словно звон,
Жизнь моя – это вечный Свет.
И пускай Тьма со всех сторон,
Но во мне этой Тьмы нет.
Шаг за шагом. Вперёд. Шаг.
Я иду, раздвигая Тьму.
А в глазах у врага – страх,
И меня не унять ему.
Он секирой разбил мой щит,
Он когтями – в глаза – мне.
Череп мой от ударов трещит,
И сгорает душа в огне.
Только знаю. Дойду. Доползу.

Пусть разодранный на клочки.
Смерть, отстань, я тебя загрызу.
Не маячь! Я живой... почти.
Пусть меня окружают кресты,
Не бросаю на ветер слов.
Я дойду к тебе – Ангел Мечты.
Свет мой – Вера, Надежда, Любовь.

2007

* * *

А знаешь, ночами меня разрывает тревога
За суетность мира, за бренность его, пустоту.
Стою я в раздумьях с котомкой своей у порога,
Но, не решившись уйти, просыпаюсь в поту.
Таков наш удел, нас, диванных вершителей судеб.
В мечтах мы гиганты, способные горы свернуть.
Вот только для этого нужно отбросить причуды,
Сомнения отвергнув, отважно отправиться в путь.

2008

* * *

Просыпаться в лугах мне нравится,
Утопать в копнах скошенных трав,
Ах, Россия, моя красавица,
По душе мне твой певчий нрав.
Велика ты душою праведной,
Широка ты своей добротой.
Пусть, поругана и ограблена,
Но прекрасна своей красотой.
Ты в душе моей будешь славиться,
Я горжусь тобой вновь и вновь,
Ах, Россия, моя красавица,
Безгранична к тебе любовь.

2008

* * *

Сибирь. Тайга и тундра. Суровый край.
Нефть, золото и газ. Живи не умирай.
Но также Оймякон, Анадырь, Колыма,
И до костей промёрзшая зима.
Скрипя зубами из последних жил,

Здесь кто-то жизнь паскудную прожил.
 Старался, матерел, крепился,
 Но, не сдержавшись, всё же спился.
 Я знаю, здесь не каждого сломило,
 Кому-то даже очень подфартило.
 Но для меня здесь вечно плачет вьюга,
 Отсюда небеса забрали друга.
 Сибирь - могучая, трагичная страна.
 Здесь позабытые погосты, имена.
 Немой укор от ненавистных зон,
 И колокольный упокойный звон.

2008

* * *

Руби канаты – ураган нас доконал,
 Последняя надежда на удачу,
 Что нас не разобьёт о гребни скал,
 Которые поблизости маячат.
 И выдержит ли шхуна натиск волн,
 Я, чёрт меня дери, совсем не знаю.
 Руби канаты, мачты, а потом
 С судьбою мы в ромашку поиграем.

2008

* * *

За шиворот пытаюсь ухватить
 Трусливую полоску горизонта,
 Но ускользает он, и от меня бежит,
 Раскидывая шиворот по фронту.
 И пусть пока что мне не удалось
 Шнур горизонта от души притопнуть,
 Вобью я в хвост его огромный гвоздь,
 И к звёздам разовью земные стропы.

2008

* * *

Снова я шагаю в пустоту,
 И лечу навстречу неизвестности.
 Миг, и взвоят хохотом окрестности,
 Но... сегодня я не упаду.
 Да, сегодня в кровь сорву ладони я,
 Но схвачусь за лезвия перилл.

Боже! Дай мне удержаться сил.
Говорю совсем не для иронии.
Хоть всё это вижу я во сне,
Сон тот вырван из былой реальности,
Где судьба грозила мне летальностью.
Выжил я. И снова на коне.

2008

* * *

Бьёт волна растревоженно в борт,
Мой фрегат поистрёпан стихией.
И не всем возвратиться нам в порт,
Где с надеждою ждут нас родные.
Только путь наш известен –
К родным берегам
Мы стремимся, пронзая просторы.
Мы вернёмся назло
Ошалевшим ветрам,
Чтобы вскоре уйти снова в море.

2008

* * *

Я сорок лет бродил по свету,
След в след за призрачной мечтой,
Но всюду бился о запреты,
И проиграл, увы, тот бой.
Свобода - только на бумаге,
Звенят уныло кандалы.
И я страдаю в полумраке,
Не в силах вынести хулы.
Принять не в силах безучастья,
Тех, кто от равнодушья пуст.
Но не в моей, простите, власти
Расшевелить застывших чувств.
Я оставляю здесь усталость,
Уйду туда, где ждёт успех.
И с вами вовсе не прощаюсь,
Я буду в гости ждать вас всех.

2014

Я поднимаю паруса...

Я поднимаю паруса,
Чтоб плыть, куда глядят глаза.
И что мне ветер, что мне шторм,
Девятый вал мне нипочём.
И если трюм зальёт вода,
Меня спасёт моя звезда.

Не избалован я судьбой,
Но не сдаюсь, и рвусь я в бой.
Махнув рукой, развею мрак,
И пусть дрожит заклятый враг.
А если в сердце – острый нож,
Меня так просто не возьмёшь.

Я подниму бокал
За тех, кто не допел,
За тех, кто подустал,
Кто выжить не успел.
За тех ещё спою,
Кто сломлен, и поник,
За тех, кого в бою
Сразил вдруг вражий штык...

Я поднимаю паруса,
Чтоб плыть душою в небеса.
Я над землёю воспарю,
Чтоб с ангелом встречать зарю.
И пусть закончится мой путь,
Но не сейчас - когда-нибудь.

Я поднимаю паруса,
Чтоб плыть душою в небеса.
Я над землёю воспарю,
Чтоб с ангелом встречать зарю.
И пусть закончится мой путь,
Но не сейчас – когда-нибудь.

ДОПОЛНИТЕЛЬНО

Тучка

Куда летишь, мохнатая,
То плача, то смеясь?
То скачешь, бесноватая,
Как будто бы паяц.
То тихо пробираешься
По небу словно вор.
То с птицами играешься,
То рвёшься на простор.
Кто путь тебе планирует,
Дух ветра, или Бог?
И перед кем позируешь,
Переступив порог?
Скажи ты, кем любишься,
Взирая с высоты?
И за кого волнуешься,
Плывя над нами ты?
Мой жест от сумасшествия
Тебя убережет.
Тебя я снова чествую,
Продолжив твой
Полёт.

1971

Свежий ветер

Свежий ветер дует, дует мне в лицо,
Обгоняю тучи, обгоняю всё.
Скорость мне подруга, ветер мне не враг,
Мчусь быстрее звука – это не пустяк.
Мчусь на мотоцикле, сзади пыль столбом,
Гордая машина стала мне рабом,
Всё вокруг мелькает, мчится кувырком,
Мчусь я вместе с ветром, свежим ветерком.
Мимо пролетает всё за горизонт,
Всё вокруг мелькает, как волшебный сон,
В добрый путь мне кто-то помахал платком,
Мчусь я вместе с ветром, свежим ветерком.

1975

Пойте с нами

Нас мечта берёт с собой в полёт
 Прямо через горы и равнины.
 Сердце песню радости поёт,
 И в своём порыве мы едины.

Мы путём нехоженным пройдем
 Там, где пятна белые на карте,
 Новых песен залежи найдём,
 Будем их горланить на закате.

Ты, моя гитара, мне ответь,
 Почему душа, как звон-струна?
 Почему опять меня лететь,
 Тянет она?
 Ты, моя гитара, мне ответь,
 Разливаясь трелями над Волгой,
 Где и с кем ещё мне песни петь,
 Как долго?

Неустанны в поиске своём,
 Но не счастье ищем за горами.
 Счастье с нами в миг, когда поём.
 Пойте нашу песню вместе с нами.

Ты, моя гитара, мне ответь,
 Почему душа, как звон-струна?
 Почему опять меня лететь,
 Тянет она?
 Ты, моя гитара, мне ответь,
 Разливаясь трелями над Волгой,
 Где и с кем ещё мне песни петь,
 Как долго?

1975

Дорога

Снова
 Я в путь чемодан собираю.
 Только,
 Когда возвращусь, я не знаю.
 Может, дни пройдут,
 А, может быть, года.
 Может быть, назад
 Я не вернусь никогда...
 Может быть...

Дорога –
Она без конца, без начала.
Снова
Я в гулкой прохладе вокзала.
Ждёт нас дальний край
На долгие года.
Ну, а, может быть,
Он ждёт нас навсегда...
Может быть...

Снова
Дорога рвёт сердце на части.
В вечном
Движенье заложено счастье,
Не наскучит нам дорога никогда,
В дальний путь помчат
Нас снова поезда...
В дальний путь...

1984

Владимир Филиппов

Дорожный альбом

Стихи 1987-2016

Издание Шестое исправленное: FD198D337AB125E-pdf
Размер: 1,77 mb ; 41 стр.

Copyright © Parroslab Group 2023
All Rights Reserved